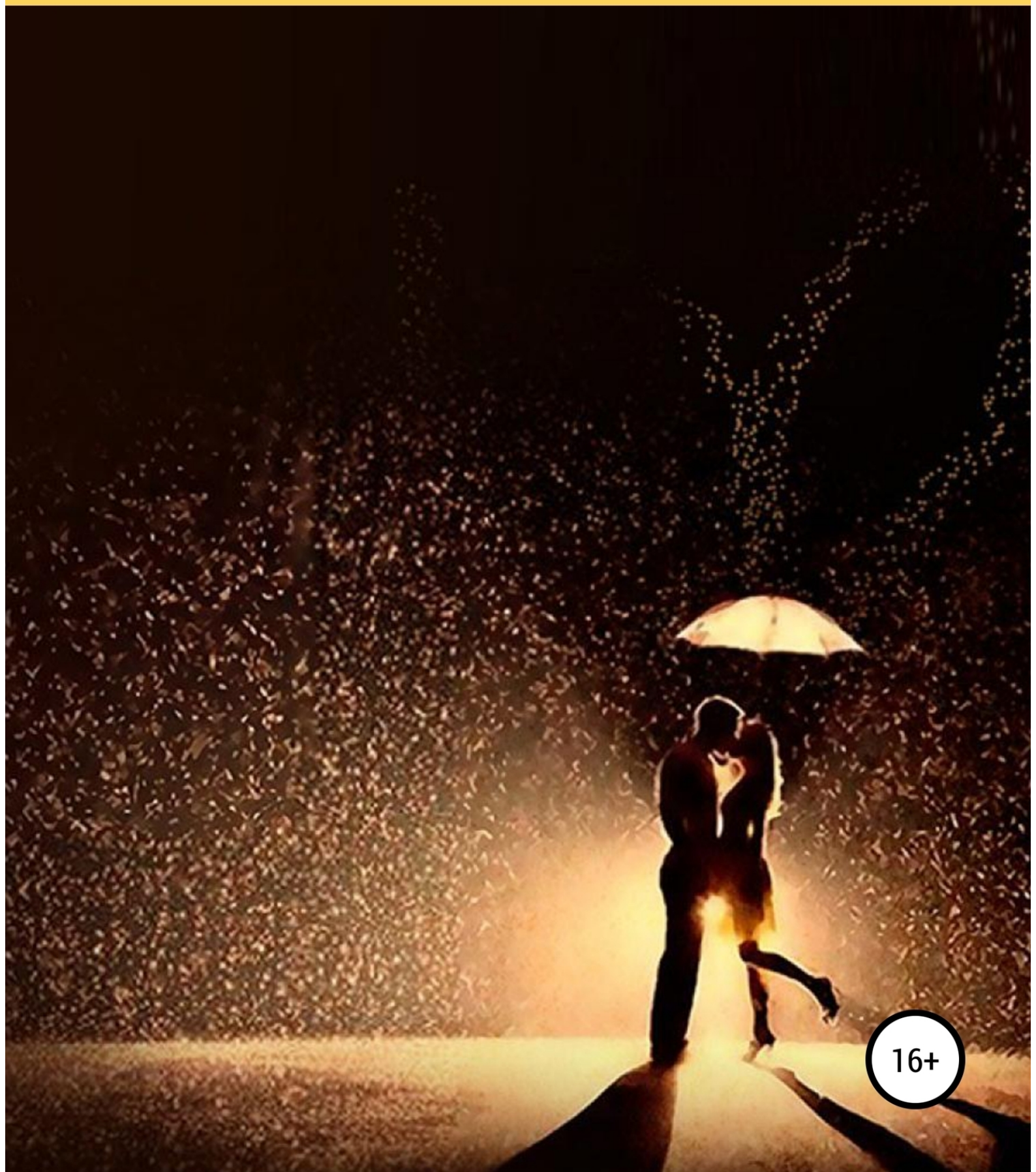

Сергей Вячеславович Соловьев

Блюз Климата Рощина

16+

Сергей Соловьев
Блюз Клим Рощина

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Соловьев С. В.

Блюз Клима Рощина / С. В. Соловьев — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Повесть о любви в период культурно-нравственной разрухи и хаоса 90-х. Адресована поклонникам сериала "Бригада", "Брат", "Бумер". Каждый читатель найдет близкие по духу события жизни простого парня и девчонки в непредсказуемых перипетиях судьбы.

Содержание

Детство...	6
Начало 90-х...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Клим глубоко вдохнул крепкий дым сигареты, стоя на балконе второго этажа хрущевки. Он наслаждался летним утренним солнышком, которое приятно согревало своим теплом. Дул едва заметный свежий ветерок, обдавая прохладой утро, пели птицы, и настроение полностью гармонировало наступившему солнечному дню. Это был 95-й год... Сзади тихонько подошла бабушка, обняла и крепко прижалась к внуку, вкладывая в этот жест всю свою любовь и материнскую заботу.

– Ба, ну хватит, ведь все уже позади. Я дома, жив-здоров, слава Богу, все хорошо!!! – внук поцеловал старушку, вытирая ей слезу и благодарно улыбаясь.

– Пойдем, мой сладкий, выкидывай свою соску..., – так она всегда называла сигареты, – пошли есть твои любимые блины, пока они не остыли.

Клим обожал бабушкины блины, их вкус, пышность, сочность, маслянистость, запах. Они ели блинчики с малиновым вареньем, запивая ароматным горячим чаем. «Прямо как в детстве смакую вкус блинов с вареньем», – вспоминал он свои детские радости, с благодарностью поглядывая на старушку.

– Ты Климашка, постарайся забыть все, что произошло. Не вспоминай, где ты был, не было ничего. Ты меня понял?

Внук с любовью посмотрел на старушку и утвердительно кивнул. Всего несколько дней назад он освободился из мест не столь отдаленных и сейчас впитывал в себя как губка каждый миг свободы. Просидел он три года за собственную глупость и наивность, как впрочем, и многие мальчишки его лет, которых «воспитала» улица. А самое

печальное, это то, что это уже была
другая страна,
другие люди,
другой мир.
Даже деньги
уже были другие, а не те что были когда его арестовали,
дензнаки с Ленином.

Детство...

Клим рос отзывчивым, добрым мальчиком. Подвижный, впечатлительный и наивный он любил сказки, книги про войну, кино о рыцарях и мушкетерах, где добро неизменно побеждает зло.и как и все восхищался индийским кино.и не совсем мог понять почему в Индии есть богатые и бедные, тогда как у нас всё по другому. В пять лет бабушка отдала Клим в секцию спортивной гимнастики, поскольку почти весь день она проводила на работе. Он влюбился в этот спорт и все, что с ним связано всем сердцем. Батут, вольные программы, турник, конь, брусья и кольца, но особенно ему нравились турник и кольца.новые друзья, новые знакомства и всё вокруг для спорта, успеха, побед. Его тренеры, супруги Нелли Федоровна и Егор Анатольевич, видели в мальчике перспективного спортсмена с хорошим будущим и свою гордость. Именно поэтому его не жалели на тренировках. Здесь было все: слезы и боль, усталость, вывихи, растяжения и ушибы, успех, радость, медали и миг счастья от вкуса победы, от одной мысли, что ты лучший!

В пятом классе на очередных соревнованиях Клим сорвался с колец, пролетел мимо матов и со всей силы шлепнулся на голый пол. В результате неудачного падения он получил обширные травмы рук, челюсти и десен.

Больше года мальчик провел в больницах, левую руку неоднократно ломали заново, из-за того, что кости в локтевом суставе неправильно срастались. Когда он вернулся в гимнастический зал, оба тренера искренне улыбались и приветствовали его, хлопая по плечу и обнимая как родного. К моменту его возвращения все ребята из сборной уже далеко продвинулись вперед, кто-то получил кандидата, а некоторые даже стали мастерами спорта. Видя все это, Клим с сожалением в сердце ощутил, что этот спорт теперь для него закрыт, но по детской наивности не мог и не хотел это признавать.

Оба тренера как могли, утешали мальчика, высказывая слова сожаления и сопереживания, советуя попробовать себя в других видах спорта. Егор Анатольевич бил себя в грудь, что похлопочет за Клим перед тренером по легкой атлетике, чтобы тот без проблем взял его в сборную, так как у мальчика для этого есть все предпосылки. Но однажды к Климу подошел соперник, чернявый паренек Вася Тарасов: «Ну что, чемпион, сломался? Теперь я лучший!» – сказал он, гордо сделал сальто назад и помчался в раздевалку.

Первую горечь разочарования, которую вкусил Клим во всех ее проявлениях, была вызвана неспособностью тренеров его понять. Он так любил этих людей, которые хвалили его за упорство и терпение, ценили в нем жажду победы, гордились как собственным творением, а теперь так просто и легко отвернулись от него. Клим принес им не одну медаль, он был лучшим из лучших, а теперь чувствовал себя чужим и ненужным.

Все, что его окружало, стало теперь таким далеким. Придя домой, Клим залился жгучими слезами, обжигаящими душу и сердце, обида как тяжелый ком давила на него. Уткнувшись в подушку, он лишь мечтал, чтобы скорее пришла с работы бабушка, она приголубит, пожалует и обязательно поймет.

Так как ритм жизни Клим был плотно связан с разъездами, спортивными сборами, поездками и соревнованиями, то теперь у него появилась уйма свободного времени, и непонимание, куда себя деть. Окончательно оправившись после травм, он начал искать себя в других видах спорта, занимался легкой атлетикой, посещал секцию футбола, самбо, но нигде он не испытывал такого удовлетворения и радости, как в гимнастике.в 80-х было много возможностей у молодого поколения в поисках себя... Все секции были бесплатные и доступные, всё что требовалось это лишь желание и осознание, своё ли это. Так было в спорте, так было и в творчестве. В дальнейшем все, что было связано со спортом, растворилось в бурной пучине наступающей новой жизни.

Начало 90-х...

От души нахлебавшись лагерной тоски, Клим еще в колонии зарекся, что не сделает больше ничего, за что его могли снова упечь в это болото под названием тюрьма. Клим застал все штормы перемен того времени не только,

Как в личной но и историческом смысле, где когда то даже обычный чай был предметом запрета, за что сажали в карцер, где когда то знаменитые кресты, были настолько переполнены, что в камере 3 на 4- е, находилось по 18-21 человек. Где убийц, не смотря на переплненность, можно было сосчитать по пальцам, где ещё действовал мараторий на смертную казнь, и где его уже отменили. Клим вспомнил Фадея парня 21-года, красивого, образованного но уже седого от ожиданий когда приговор приведут в исполнение. Человек который со смертью уже был на одной ноге в обнимку, сейчас улыбался, шутил, словно этого и не было, это люди вызывали у Клим восхищение, пережитым периодом, где они не слетели с катушек, а самое бесценное остались Людьми. Первым шагом к нормальной жизни было освоение профессии. Он сделал выбор. А пока решил хотя бы на время найти какую-нибудь работу. Но сделать это оказалось не так просто. Просыпаясь рано утром, Клим каждый день ходил от одного производственного управления к другому. Однако городок, в котором он проживал, был глубоко провинциальным, это была Ленинградская область, г. Сланцы, когда то шахтёрский городок с хорошей инфраструктурой... Но это было когда то а сейчас все мало-мальски достойные рабочие места были в большом дефиците, вследствие чего парень везде получал отказ. Потихоньку его боевой дух разбился о стену безысходности. «Надо отсюда валить... и как можно быстрее, пока я не превратился в пьяного аборигена», – твердо решил он. От тоски и внезапно появившейся в душе обиды становилось трудно дышать, хотелось тупо нажраться и забыться. Становилось страшно, а в глазах туманилось от безнадёги.

К реальности его вернул хлопок по плечу. Он обернулся и увидел широкую жизнерадостную улыбку под знакомой картофелиной носа. Это был Семен.

– Ну и почему ты не дал о себе знать, когда вышел?

Клим смущенно улыбнулся в ответ и пожал плечами, отводя взгляд в сторону.

– Да вот только вышел и сразу думаю, где же мой друг Семен, а на ловца и зверь бежит.

Семен понимающе ухмыльнулся, отдавая дань шутке, едкостью которых Клим славился всегда.

– Пойдем в «Три пескаря», отметим встречу, – предложил Семен, – по чуть-чуть.

– Пойдем, – с нездоровой готовностью откликнулся Клим. Семен отметил про себя, что парень не в порядке.

Они вошли в небольшую кафешку в несколько столов с чисто провинциальным претенциозным названием «Три пескаря». Дух в ней стоял тяжелый и как везде здесь разливали технический спирт под видом казенной водки, из-за чего местное население медленно, но верно сходило с ума. Из обшарпанного магнитофона, в котором работала только одна колонка, доносился популярный мотив Агаты Кристи.

– Эх, жизнь, – вскользь подумал Клим, – действительно, на тебе как на войне.

Семен тем временем отошел от стойки с двумя стаканами, удерживая в зубах пластиковую тарелочку с бутербродами. Дамочка за стойкой тоскливо проводила его взглядом. Он поставил посуду с закуской на стол, принял картинную позу и с пафосом произнес:

– Акт первый! Встреча на Эльбе! Всем внимание, дамы и господа, недавно освободившийся и выучивший, наконец, эту жизнь не по учебникам, мой друг Клим Рощин!

Публика в кафе отсутствовала, и поэтому оценить красноречие Семена смогла только тетка за стойкой, которая паталогически страдала от недостатка мужского внимания. Семен ей

криво улыбнулся и она глупо заулыбалась. Семен присел. – Ну что, за встречу! Водка приятным теплом разлилась по всему телу.

– Повторим, – суетливо предложил Семен и не дожидаясь ответа налил по второй. По всему было видно, что его уже коснулась рука провинциального алкогольного разложения, с горечью отметил Клим, прикурив сигарету.

Спиртное не расслабляло, разговор не вязался, и поэтому они решили принять ударную дозу в сто пятьдесят грамм, после чего все как-то резко изменилось, оставляя позади нахлынувшие проблемы и невзгоды.

– Теперь поговорим, – закуривая очередную сигарету, деловито произнес Семен.

Они были знакомы еще с детства, но редко пересекались в одной компании, поскольку у Семена были строгие родители, которых он побаивался и не решался послушаться. За это в кругу друзей за глаза его прозвали «домашний окуроч». В дальнейшем никаких особенностей и навыков он не приобрел, поэтому сказать о нем было нечего.

– Че думаешь делать? Чем займешься? – выпуская дым через нос, спросил Семен, изрядно разомлев под парами спиртного.

– Пока встал на биржу по безработице, целыми днями бегаю в поисках работы, но все без толку, – как-то отчаянно-грустно ответил Клим, наливая еще по пятьдесят. Семен понимающе кивнул и улыбнулся.

– Это Клим, стал мертвый город, в котором остались одни барыги-спекулянты, да алкаши с наркотами. Валить отсюда надо, работы нет, особых развлечений тоже, короче одна тоска, которую пытаешься залить вином, – Семен весь раскраснелся, и во всей его речи чувствовалась безнадега и обреченность, – здесь один конец, либо спиться, либо сколоться, либо тюрьма, последний вариант слишком плачевный – кладбище!

– Очень оптимистически, – заключил Клим, наливая по новой, признав в душе, что и его самого не раз посещали подобные мысли.

– Ты на бирже объявление читал, по поводу набора на учебу?

Клим покачал головой.

– Адмиралтейские верфи набирают на учебу. На время учебы предоставляется общежитие, временная прописка, бесплатный проезд, трехразовое питание, вообще, сказка для провинциала. Что скажешь? – с лицом умника, решившего сложную задачу, спросил Семен.

– А на кого учат?

– А-аа, готовят судовых сварщиков, – забыв о самом главном, вставил он. Энтузиазм и перспективный настрой на лучшее передался Климу, который загорелся желанием его воплощения.

– Здорово Сема, на днях едим оформляться и спасибо тебе, что именно ты мне это предложил, – протянул руку Клим в знак благодарности.

На самом деле Семен был рад этому не меньше. Он уже давно подыскивал напарника на учебу, так как ехать одному было страшновато, поскольку он редко дрался на улицах, а если и дрался, то в основном по пьяни, да и то в компании. Оставшись один на один с какой-то проблемой, Семен тут же терялся, либо убегал. Ему был необходим сильный духом человек и эту встречу с Климом послал бог.

– Ты о Катке что-нибудь слышал? – опустив голову, навеянную нелегкими воспоминаниями, как-то робко спросил Клим.

Семен с удивлением посмотрел на него и поморщив лоб окунулся в неприятные воспоминания, как Клим бил ему морду за то, что он однажды проводил Катю до дому, кстати, по ее же просьбе.

– Я думал ты уже перегорел, забыл, сколько дерьма она принесла в твою жизнь, да и сколько времени прошло.

Клим перебил его, охладив взглядом дальнейшие неуместные нравоучения: «Мне до нее по барабану, просто любопытно, что с ней стало, и все, а ты начинаешь тут психотерапевта из себя строить».

Семен уловил нотки злости в интонации приятеля и поэтому глупо заулыбался, стараясь отыскать в голове какую-нибудь шутку, чтобы остудить пыл Клим. Но из-за выражения его лица шутить перехотелось.

– У Катки в жизни тоже не все в порядке, вышла замуж, родила сына, назвала Костей, но вскоре муж ее бросил. Она снова вышла замуж, а там опять что-то не заладилось. Сейчас она частенько бухает и от той Кати, которую ты знал, уже почти ничего не осталось. Дешевая шляха, которую можно трахнуть за стакан «сэма». Извини за прямолинейность.

Клим молча налил себе еще сто грамм и залпом опрокинул, словно пытаясь утопить терзающие воспоминания из прошлого.

В школе Клим учился без особого рвения. Из-за наград и успехов в спорте многие учителя закрывали глаза на его двойки. Классный руководитель, Галина Павловна очень любила Клим за его доброту, отзывчивость, веселый нрав и шутовство, которое постоянно заставляло сотрясаться хохотом весь класс, приводя ее в бешенство. В учительской другие учителя постоянно жаловались ей за сорванный урок, поэтому ей частенько приходилось оставлять мальчика после уроков для проведения профилактических бесед.

В такие моменты он становился каким-то другим, неожиданно серьезным, не по годам понимающим, с которым было любо-дорого беседовать. Галина Павловна жалела Клим как могла, ведь его воспитывала одна бабушка, на которой оставила свой отпечаток война, голод и разруха. Отца у него не было, мать бросила сына, уехав в другой город, где создала новую семью. Сколько раз сердце Галины Павловны щемило жалостью, когда на первое сентября все дети приходили нарядные и красивые, и только Клим всегда был один с букетом полевых цветов, с завистью смотря на счастливых одноклассников, которых холили и лелеяли родители. Из-за этого Галина Павловна часто заступалась за Клим перед другими учителями и директором школы, пытаясь доказать, что он не такой плохой и постоянно хлопоча о переводе его из класса в класс.

В школьные годы у Клим раскрылись организаторские способности, компенсировавшие неудачную учебу. Он организовывал и проводил классные огоньки, школьные вечеринки, балы и викторины. Клим здорово танцевал брейк, заставляя на зависть приятелям пищать от восторга девчонок, а также слыл продвинутым диджеем, прозвав себя Хоха.

На одной из таких вечеринок Клим встретил Катю. Он и раньше ее встречал, но как то обращал на нее особого внимания, поскольку ей интересовались ребята постарше.

Катя училась в другой школе и была вхожа на все вечеринки местных школ, стараясь не пропустить ни одного вечера. Танцевала она хорошо, словно ритм был создан для нее, грациозна, пластична, гибка и стройна. Она не раз заставляла своих кавалеров, доказывать кровью свое право проводить ее до дому и потискать в подъезде.

Несмотря на возраст, фигура у Катки была абсолютно сформировавшаяся, и при ее появлении каждый мальчишка тайно мечтал дотронуться до ее соблазнительных выпуклых форм, будораживших воображение. В компаниях она старалась вести себя так, словно была намного старше всех, курила, могла выпить вина, и считала всех, кто был хоть на пол-года младше ее, малолетками и мамкиными сынками, у которых молоко еще не обсохло на губах. Ее дерзость и плоские, а порой жесткие шутки заставляли парней относиться к ней с осторожностью, чтобы не выглядеть посмешищем в глазах других девчонок.

Исполнив под свист, визг и хлопки брейк, Клим пошел менять кассету, как вдруг услышал за спиной приятный голос: «Здорово танцуешь, Хоха, где ты так научился?»

Он обернулся и застыл в изумлении, забыв обо всем на свете. Вся в ядовито-красном перед ним стояла Катя. Такая неожиданность застала его врасплох.

– Алло, гараж... ты че онемел, чувак? – заводилась она растерянностью Клима, улыбаясь чувственными, слегка полными губами, и оголяя белоснежные ровные зубы. В реальность Клима вернул свист в зале, громкие реплики по поводу тишины и сна диджея.

– Секунду мадам, – и Клим пулей помчался ставить белый танец, объявив, что дамы приглашают кавалеров.

– Потанцуем? – осмелев, склонил голову он. Катя кивнула. Впервые он видел ее вблизи, держал за тонкую талию и чувствовал, как в нем все клокочет и пульсирует. Она была действительно красива, черные как у цыганки, слегка развивающиеся волосы, большие темно-карие глаза, способные поглотить и растворить кого угодно. Смуглая кожа, лучезарная улыбка, ямочки на щеках оторвали его от реальности.

Катя наблюдала, как жадно он поглощает ее взглядом и это ее заводило. Она обвила руками шею Клима, плотно прижавшись к нему, и прошептала на ухо: «А ты умеешь целоваться?».

Клим почувствовал близость ее девичьего тела и вдохнул его запах. В нем все затрепетало, бешено заколотилось сердце, участилось дыхание, выступил пот и он весь залился краской.

– Д-д-да, то-есть нет, не знаю, – смущенно и растерянno произнес он.

Катя залилась смехом, слава богу, на этом мелодия закончилась. Воспользовавшись паузой, Клим выскочил из зала. Весь красный и мокрый он ворвался в туалет и стал обдавать себя холодной водой из школьного умывальника. Ночью Клим ворочался в постели обремененный мыслями о Кате. Сон куда-то улетучился, и он полностью погрузился в мальчишеские фантазии, многократно прокручивая в голове ее прикосновение, голос, смех. Он стал тайно мечтать о ней.

Однажды, возвращаясь со школы, он встретил ее возле своего дома.

– Привет, Хоха! Двойки домой прешь? – улыбнулась она, смерив его каким-то взрослым взглядом, своими безумно красивыми большими глазами, из-за которых он впадал в ступор. Клима кивнул головой, смутившись и неуверенно улыбнувшись.

– Кать, можно тебя проводить? – неожиданно для себя спросил он.

– О-о-о, Хоха, да ты никак в кавалеры напрашиваешься? А уроки? Ведь за двойки мамки и папки бьют. Не-е-е паря, лучше пойдем в подъезд, покурим, ты хоть куришь?

– Да, – соврал Клима, придавая себе вид взрослого мужчины.

– У тебя свои или дать закурить?

– Не, я в школе свои скурил, ты покури, а я просто постою с тобой.

– Да ладно тебе, – доставая красивую пачку, сказал она, протягивая сигарету, – не обеднею.

Клима неуверенно взял сигарету, лихорадочно вспоминая, как это выглядит в реальности. Катя щелкнула зажигалкой, прикурила и глубоко вдохнула в себя дым, закатив глаза, протянула ему зажигалку. Клима сделал также, но как только вдохнул в себя дым, кашель драконом вырвался наружу. В его голове воцарился туман и полное непонимание происходящего.

Катя выхватила у него сигарету, испуганно посмотрев на позеленевшего Клима.

– Ты че, малолетка хренов, не мог сказать, что не куришь, дурак, – Катя бросила сигарету и выскочила из подъезда, оставив Клима наедине со своими проблемами. Уже дома, вспоминая эту встречу, Климу было ужасно стыдно за свое поведение, ведь он так оплошался перед этой необыкновенной девочкой.

Клима все чаще стал посещать дворовую компанию, научился курить, гулял допоздна и бредил первой близостью с девчонкой. Однажды в понедельник, на уроке географии, ему

сунули записку, в которой сообщалось, что Катя будет ждать его в беседке детского садика ровно в 14.00. Сперва Клим подумал, что кто-то его разыгрывает, но мысли о Кате взяли верх.

Детский садик находился во дворе, где жил Клим. Здесь прошли его дошкольные годы. Все дворовые мальчишки и девчонки по вечерам собирались в беседках этого садика. Здесь часто дрались с соседскими, которые часто пытались посягнуть на территорию сада, ругались со сторожами, которых делили на хороших и плохих в зависимости от их угроз и криков.

Сомневаясь, Клим все-же, пришел в назначенное время. На скамейке в беседке сидела она.

– Привет, Катюша, – приветствовал ее Клим, лихорадочно соображая как вести себя с ней, чтобы снова не повторить ошибку. Он демонстративно достал из кармана пачку сигарет, прикурил и, выпустив клуб дыма посмотрел на Катю, которая улыбнулась и качая головой произнесла:

– Ну и придурок ты, Хоха, неужели это все из-за меня? – всматриваясь в его глаза, игриво спросила она.

С этого дня Клим каждый день стал встречаться после школы с Катей, разрываясь между тренировками по самбо и свиданиями. Сперва это были простые встречи, часика на два, но вскоре им стало этого не хватать и они стали проводить больше времени вместе. Все мысли, мечты, желания и стремления были только о ней. Впервые Клим открыл для себя новый, доселе неизвестный ему мир первой любви, который каждый понимает и переживает по-своему. Кому-то помогают советом родители, кому-то старшие братья и сестры, а кто-то подобно Климу окунается в него с головой, в мир переживаний и чувств, где над всем доминирует лишь слепая Любовь! Находясь рядом с Катей, он ощущал, как останавливается время, исчезают все проблемы и окружающие люди. Есть только они и их чувства, которые окрыляли, пленили и пьянили. Все остальное, школа, спорт, друзья уходили на второй план. Он хотел совершать подвиги во имя любви, кричать на всю планету, что он влюблен, любит и счастлив от этого!

С Катей он познал свою первую близость, сорвав запретный плод, вкусив его прелесть и миг блаженного полета. Душевная и физическая близость объединились в одно мощное порабощающее чувство какого-то фанатизма и одержимости, где рассудок и здравый смысл запирается куда-то далеко, где они умиряются и крепко засыпают.

Как только бабушка рано утром уходила на работу, тут же появлялась Катя. Бросив сумку с учебниками в прихожей, и раздевшись догола, она ныряла в теплую постель Клим, прильнув к нему губами в долгим и голодном поцелуе. Бодрое утро страсти, всепоглощающего желания, сопровождалось криками и стонами мелодии любви, плавно переходя в эйфорию забытья. Затем душ, быстрый завтрак и с опозданием в один, а то и целых два урока посещение школы, которая была уже больше для отметки, нежели ради знаний. На своих одноклассников Клим уже посматривал повзрослевшими глазами.

На перемене к нему подошел Сипула, друг Клим, учившийся в параллельном классе.

– Ну и куда же ты пропал? – с удивлением и нотками тревоги интересовался Сипула.

– Да... – махнул рукой Клим, – то у Катьки, то у меня тусим, – как бы без особого интереса ответил он.

– У-у-у... да тебя накрыло брат, медным тазиком.

– Прекращай Пула, все нормально... – Клим стал было оправдываться, но тут прозвенел звонок на урок, за что искренне поблагодарил Господа Бога.

Вернувшись со школы, Клим нежно будил спящую Катю, которая бесстрашно прогуливала школу у Клим в кровати. После чего следовал безбашенный секс, душ и обед, после чего Катя возвращалась домой, якобы со школы.

Еще через полчаса, Клим уже звонил в дверь ее квартиры, и они шли бродить по городу, посещая кафе, кино, не забывая заглянуть в беседки детского сада. Остатки вечера влюбленные коротали в подъезде, где жила Катя.

С каждым днем чувства любви проникали в Клим все глубже и все чаще он задавал себе один и тот-же вопрос: «Почему окружающие его люди так мало и скудно любят друг друга, ведь это такое прекрасное состояние души, в котором царит праздник весны?» Клим не хотел расставаться с этим чувством. Он уже не мог представить и дня без Катерины, ведь все мысли были только о ней.

В свою очередь Катя решила охмурить Клим лишь с одной целью, чтобы без проблем проникать на все вечеринки школы. Она не питала к нему особых чувств, поскольку ее по-прежнему интересовали парни постарше. Она рано познала себе цену и искусно умела этим пользоваться. Клим был для нее всего лишь забавным и смешным парнем, который умел поднимать настроение, и с которым было нескучно провести время.

В школе Катя училась без всякого интереса и в отличие от своих сверстниц не стремилась обрести в будущем какую-то профессию. Она жила одним днем, где весь интерес сводился к веселью души и тела. Ее старшие сестры работали в больнице медиками, благодаря им Катя неплохо разбирался в фармацевтике, понимая с чего можно было поймать кайф и расслабуху. У нее уже был опыт употребления барбитуры, а некоторые колеса ей даже очень нравились, например – этаминал натрия.

Однажды под колесами этаминала она пришла на свидание к Хохе, который долго не мог понять в каком состоянии она находится, вроде бы пьяна, а запаха алкоголя нет.

–Хочешь кайфануть? – шевеля ватным языком произнесла она, протягивая ему три маленькие белые таблеточки.

Сильный хлопок по ладошке слегка пробудил сознание Кати, таблетки разлетелись по лестничной площадке. Затем последовала звонкая обжигающая пощечина от которой звенело в ушах.

– Вот дура, ты че, совсем ****улась? – заорал Клим перепуганным голосом.

– Не смей меня бить никогда.. слышишь... никогда! – бубнила она, проваливаясь в забыть.

Клим позвонил в первую попавшуюся квартиру, и сходу выдумав целую историю отравления, уговорил принести ему теплой воды с марганцовкой, которую тотчас же влил в Катю, ругая ее, на чем свет стоит. Катю сильно рвало, она облевала весь подъезд, сильно пожалев, что предложила ему эти колеса.

В это время с работы возвращался ее отец. От увиденной картины он впал в ярость, обвинив Клим во всех бедах. Он сгреб Катерину в охапку и удалился домой, бросив на пороге зловещую фразу: «Еще раз тебя здесь увижу – ноги переломаю, сосунок!!!»

Клим брел домой в подавленном состоянии духа, переживая происходящее. В его голове царил одни вопросы: «Зачем она пьет эти таблетки, ведь им так хорошо вместе и я ее очень люблю?! Почему ее отец обвинил во всем его?!» Ну а родители Кати с этого момента были твердо убеждены в том, что во всех бедах их дочери виноват Клим, который так пагубно влияет на нее.

Периферийную молодежь всегда прельщают большие города, в которых, по их мнению их ждут, там все надежды и мечты, счастье и решение всех проблем, там выход из провинциальной скукоты, серости, рутины и безысходности. Но...

Предвкушая что-то новое, наполненное приключениями, Клим и Семен подходили к высокому зданию на Бухарестской улице, располагавшейся на окраине Купчино. Перекурив на крыльце общежития, они уверенно вошли внутрь. Первый, с кем они столкнулись в фойе, была бдительная старушка с очень цепким взглядом, в котором сквозила патологическая ненависть к студентам. Звали ее баба Лида. Несмотря на возраст, у нее была феноменальная память на лица, как будто в прошлом она была сотрудником ЦК.

– Здрасьте, бабусенька, – ласково улыбнулся Клим, протягивая направления из училища, свое и Семена. Бабусенька взяла бумажки, побежала по ним взглядом, что-то невнятно бубня себе под нос, и вскинув свой колкий взгляд, изучающе оглядела пацанов.

– Идите на второй этаж, там находится ваш комендант, зовут Елена Васильевна. Подайте эти бумаги ей, она объяснит, что делать дальше. А сейчас запомните, – голос бабы Лиды стал строже и жестче, – предупреждаю сразу, после 23.00 никого в общежитие не пускаю и не выпускаю.

Климу она почему-то напомнила дореволюционного дворника, который по поводу и без свистит в свисток при малейшей опасности.

– Ба, свисток у Вас есть? – с полной серьезностью спросил Клим, снижая голос до полупшепота в слове «есть».

– Я тебе сейчас покажу свисток, умник хренов, – завизжала старуха, сотрясая воздух кулаками.

Переступив границу бабы Лиды, через три шага перед ними расположились два лифта, левее которых вела лестница в общежитие. Общага казалась огромной, высотой в двенадцать этажей, где проживали студенты различных учебных заведений, были здесь и простые лицеисты из детского дома. Из-за этого комендантов было двое, на каждого из которых приходилось по пять этажей. Оставшиеся два этажа занимал воспитательный комитет, куда входили мужчины и женщины, кому за тридцать, в основной массе такие же студенты-заочники из провинции, хотя были среди них и бабульки.

Каждый этаж общежития делился на три, а где и на четыре крыла. В каждом крыле, как правило, находилось по шесть плохо отремонтированных комнат на два-три человека, коридор с туалетом в два унитаза со сломанным сливом и в ужасном состоянии. Следом шла кухня с электрической плитой, у которой работали только две комфорки, да два зашарпанных стола, на которые было опасно что-либо ставить. Табуретки и стулья отсутствовали вообще, зато всюду нагло и бесстрашно расхаживали рыжие прусаки, именуемые в народе тараканами. Стены давно облупились и все напоминало о необходимости ремонта. В разных углах закопченного потолка висела паутина. Попасть во второе крыло этажа можно было через кухню, соединенную небольшим узким коридором. А вот в третьем и четвертом крыле можно было очутиться, пройдя через центральный коридор этажа, где находились лифт и лестница.

Комендант Елена Васильевна была женщиной бальзаковского возраста, миниатюрная и шустрая со светлыми волосами. Она обладала очень тонким голоском и быстрой речью, вылетавшей из нее как из пулемета, настолько быстрой, что после ее вопроса требовалось время на осмысление обрывков фраз, схваченных слухом.

Друзей поселили на девятом этаже в первом крыле. Комфорт и удобство этого этажа состоял в том, что в общем коридоре располагался спортзал, имевший пусть старенький, но стандартный инвентарь качалки.

Елена Васильевна открыла комнату № 199, по-хозяйски оглядев помещение, следом вошли Клим и Семен.

– Так ребята, вот ваши апартаменты. Убедительная просьба бережного относиться к имуществу общежития и ничего не ломать. Кстати, Вам повезло, здесь есть просторный балкон.

– Елена Васильевна, да у Вас ярко выраженный талант риелтора, – искренне восхищаясь сказал Клим, – Вас ждет блестящая карьера на поприще недвижимости. А Вы... такая милая и здесь.

Однако Елена Васильевна пропустив комплимент мимо ушей бросила на стол ключи, произнеся: «Матрасы, шторы и два стула получите у меня после 16.00».

Клим оглядел комнату. Две больничных койки с растянутыми пружинами такого же состояния печали, повидавшие студенческий беспредел тумбочки и упирающийся в непослуш-

ные створки разваливающийся шкаф для одежды. В комнате витал тяжелый дух плесени, исходивший от сырости и затхлости.

«Ну и бунгало», – подумал Клим и распахнул большое окно, единственную деталь обстановки, которая радовала глаз. В назначенное время они спустились к коменданту, в ожидании которого толпились другие обитатели общаги, также ожидавшие получения необходимого казенного инвентаря.

– Клим, смотри, вон две телки стоят, давай закадрим их, может, помогут нам с уборкой? – словно спрашивая у самого себя, кивнул в сторону девчонок Сема. Клим оглядел оживленно беседующих девушек, пытаясь понять и уловить смысл их разговора. Он двинулся к ним, полагаясь на свою импровизацию. Девушки были примерно одного роста, невысокие, но плотненькие, приятного телосложения. Одну с длинными русыми волосами почти доходящими до талии, с родинкой в уголке губ звали Алина. Другая, с огненной рыжими волосами, была Ольгой.

Клим по-дружески обнял девчонок за плечи и словно старый добрый приятель спросил: «Скажите, я правильно пришел, это симпозиум канцелярских товаров?»

Девчонки глупо заморгали ответ, видимо ожидая, кто из них ответит первой. Возникла пауза, и Клим моментально сменил тактику, поняв что у девушек неважно с чувством юмора.

– Милые и самые красивые среди всех присутствующих девушек в славном граде Петра, позвольте просить милосердия и снисхождения к двум одиноким путникам, которым не создать уют в своем убогом пристанище без заботливых женских рук.

Закончив свою тираду, Клим усомнился, что его поймут, взирая на озадаченные лица девушек. Они захихикали, наконец рыженькая, видимо созрела.

– Я Оля, – и артистично протянула свою пухленькую ручку. Клим мгновенно подхватил ее игру и начал картинно целовать. В ответ девушка вся залилась краской и резко отдернула руку. В этот момент раздался писклявый голос коменданта: «Где 199-я?»

– Здесь, здесь, – отозвался Семен и пошел получать утварь.

Уже через полчаса Алина намывала окно, а Оля протирала пыль и мыла полы. Дружья тем временем знакомились с соседями и занимались приготовлением закуски. Клим заходил в каждую комнату своего крыла, знакомясь с вновь прибывшими. Настроение у всех было приподнятое, особенно после ста грамм сорокаградусной.

В комнате № 197 расположился Игорь Турлюк – бульбаш из Гомеля, рослый веселый парень со смешным акцентом. Вместе с ним здесь был его сосед Санька Харламов из Челябинска – крепыш маленького роста с бычьей шеей и сломанными ушами, напоминавшими раздавленные вареники. В 198-й расположился Серега из Ленинградской области, небольшого роста ботаник с маленькими узкими глазами. В 200-ю заселился длинный, худой, угловатый и канопатый Ленья, напоминавший старпома Лома из мультфильма «Приключение капитана Врунгеля».

После короткого приветствия Клим знаком пригласил всех новоселов к себе в комнату, где и началось настоящее знакомство, плавно переходящее в грандиозную бурную пьянку. Из присутствующих дам здесь были вышеупомянутые Оля с Алиной. Благодаря их усилиям комната стала более просторной и комфортной. Девчонки больше молчали, хихикая невпопад, а вот в поглощении спиртного ничуть не уступали пацанам. Они сразу отметили, что самые клевые в этой компании были Клим и Игорь, забрасывавшие всех анекдотами и байками.

Когда закуска и спиртное закончилось, все разбрелись по комнатам в поисках экспресс-закуски и «живой» воды. Игорек с Саньком откуда-то притащили литр Макормика и четыре банки завтрака туриста. В ожидании остальных они решили прошвырнуться по общаге, оставив Семена на хозяйстве.

А тем временем в коридорах и на этажах общаги царил всеобщее веселье: где-то уже раздавались ахи-охи, стоны, кто-то уже рыдал навзрыд, а кто-то истерически ржал, тут же кого-

то лупили, а где-то рядом доносились признания в любви наивной студентке. На седьмом этаже Клим увидел что-то вроде очереди у одной из комнат. Он с любопытством подошел к пацанам.

– Парни, чего дают-то? Кто последний?

– Машка из железнодорожного напилась, дает всем, – парниша загадочно улыбнулся, – сегодня день открытых дверей. Если ты туда, то за мной будешь, – пытаюсь сделать мужественный вид, произнес он.

– Нет, спасибо, свободных денег на бицилин пока нет, – ответил Клим, пожелав присутствующим больших половых успехов.

Пролетом ниже прямо в коридоре недалеко от лестницы расселось на корточках несколько человек. Кто-то по-шпионски озираясь, принимал косяк, шедший по кругу, а кто-то уже задумчиво галдел поверх головы. Пряный запах травы распространялся на весь пролет. Климу молча протянули сгоревшую до середины папиросу. Не задавая лишних вопросов, он глубоко вдохнул пряный дым едва не закашлившись. После недолгого раздумья вернул косяк и ощутил мощный напор эйфории. Учтиво поклонившись угостившим его парням, он выдал: «Крыша хлопает в ладоши, всем спасибо, план хороший», – и поплыл дальше от взрыва хохота, вызванного его невольным экспромтом.

На шестом этаже, Клим встретил потерявшихся Игорька и Саньку, которые бурно рамсили с каким-то крупным пареньком кавказской внешности, то ли азером, то ли армяном. Ничего не уточняя и не выясняя, Клим резко выбросил правую руку, попав нерусскому в челюсть от чего последний неожиданно сел на пятую точку.

– Ребята, долго Вас ждать, – дружелюбным тоном произнес Клим. Саня помогал подняться растерянному Мавляну, сглаживая неожиданный поступок Клина, у которого, оказывается, была паническая неприязнь к черным. Игорь бросился умирять Клина, оправдываясь, что он только что сам хотел так сделать, поскольку молодой человек слишком вызывающе просил их закурить.

– Тебя как зовут, боец? – спросил Клим.

– Мавлян, – ответил акселерат на чисто русском языке

– Откуда ты такой?

– Так я из детдома, живу и учусь здесь уже второй год и это мой дом, – зло сквозь зубы сказал он.

– Пошли.

Втроем они пошли к Климу в комнату, где все уже были в сборе, а водка разлита по стаканам. Через полчаса у Мавляна исчезла вся злость и обида на Клина, и он с огоньком в глазах посматривал на него, проникаясь все большей симпатией. С этого дня стало традицией каждый вечер под пиво, гашиш и песни под гитару собираться в комнате Клина, где смех и веселье продолжались до утра.

Общага находилась в самом конце Бухарестской, сразу за ней находилось отделение милиции, за ним трамвайное депо, а после начинался лесной массив. Невдалеке располагалось футбольное поле с самодельными воротами. Напротив общаги метрах в пятидесяти располагались троллейбусная и трамвайная остановки, а позади лежал спальный район Купчино.

Жизнь постепенно входила в привычное русло, утром учеба, после футбол или спортзал, душ, прогулки по Питеру гурьбой, посиделки и одноразовый секс с какой-нибудь студенткой, о которой забываешь на утро. В таком ритме прошла вторая неделя пребывания друзей в Питере. Клим по своей натуре притягивал к себе всякие слухи и сплетни. Вся общага судачила о его похождениях, даже те, кто не знал его в лицо. Одни считали Клина ханжой и выскочкой, другие матерым уголовником и бандитом, за плечами которого был реальный тюремный срок, ну а третьи отзывались о нем с симпатией и надеждой, мечтая оказаться у него в друзьях.

С первого дня знакомства Мавлян, как преданный пес был вокруг Клина, готовый исполнить любую просьбу друга. Хотя он был намного выше и больше Клина, но всегда смотрел

на него с уважением, пытаюсь подражать во всем. Ну а те, кто прожил в общаге больше года, побаивались детдомовца, который вел себя как отморозок. Еще большее недоумение вызывал сам факт того, что Клим свалил Мавляна с одного удара и теперь тот с ним не разлей вода.

Рыжеволосая Ольга также стала постоянным гостем у друзей, пытаюсь построить с Климом отношения, однако дальше постельных сцен у них не заладилось, поэтому вскоре она переключилась на Семена. Так она надеялась через него поменять отношение Клим к себе. Семен был неприхотлив и мягок, и поэтому Оля быстро взяла инициативу в свои руки, выстроив их отношения в удобном ей ключе. Иногда ей так докучал назойливый Сема, что хотелось послать его к чертовой бабушке. Однако ее сдерживал страх от одной мысли, что она будет редко видеть Клим.

Понимая, что их отношения подобны мыльному пузырю, Ольга решила во чтобы то ни стало познакомить Клим со своей сводной сестрой Наташей. С одной стороны она считала их родство сомнительным и не особо в него вдавалась, поскольку Наташка по ее мнению была глупая, смазливая простушка из секты староверов. С другой стороны ее было вроде как жалко. Очень хотелось познакомить девушку с хорошей городской жизнью, благодаря которой этот птенчик смог бы быстро расправить крылья.

Несмотря на возраст, Наташа ни разу не была в Питере, и даже в Луге бывала крайне редко, да и то под присмотром дядек и бабок. Так что вряд ли Клим на нее клюнет, а если и клюнет, то попользуется и выбросит, зато хоть жизни научит, а то она как ангел.

Самое трудное было уговорить отца Наташки. Дядя Петр был большой самодур, приехавший из глубинки Сибири, где все жили одной общиной по канонам старообрядцев. Он не любил цивилизацию и город, прививая первобытные взгляды своим детям, которых было трое, две девочки и мальчик. Самой старшей из детей была Наталья, которая не была его биологической дочерью. Однако родители скрывали от нее этот факт, руководствуясь благими намерениями. Петр был дядей Оли по отцовской линии, но в гости к ним она ходить не любила. Он всегда казался ей каким-то диким, поэтому девушка тщательно обдумывала предстоящий разговор о возможном приезде Натальи на учебу в Питер.

Клим весь мокрый и покрасневший вошел к себе в комнату, схватил мыло, шампунь, полотенце и, пошутив по поводу воркующих голубков с глазами как у рыб, попросил сварить ему кофе. Ну а сам пошел в душ на первый этаж, похваставшись, что забил четыре гола.

– Ну все, – поставив кофе сказала Оля строгим тоном, взглянув на Семена, – я побежала, не забудь подготовить Клим, в воскресенье мы приедем. Семен кивнул, поцеловав ее.

Выпив кофе и выкурив сигаретку, Клим с Семеном стали собираться на вечернюю прогулку по Питеру, которая уже стала традицией. По пути они зашли за Игорьком, но он отказался.

Выйдя из общаги, друзья побрели по Бухарестской.

– Ух, город грез и надежд, какая же здесь мощная энергетика, не чувствуешь? – возбужденный какими-то мыслями спросил он. Семен пожал плечами и покачал головой. – Эх ты, село, тебе бы только запах навоза, да дыма из печки, – пошутил он.

– Клим ты в курсе, что все воспитатели на нас волком смотрят, типа мы устраиваем вечера слишком рано, не даем спать студентам. Вообще, кто-то им постоянно на нас жалуется.

– Пусть жалуются, просто кого-то жаба душит. Такое происходит в любом коллективе, – спокойный как удав уверенно ответил Клим, – тем более все это на уровне слухов. Лично нам пока никто замечаний не делал, так что не бери всякий шлак в голову, лучше наслаждайся настоящим.

Семен отметил про себя, что Клим как-то просто и непринужденно разбил все его опасения, растворив их философским подходом и уверенностью. Он ухмыльнулся:

– Тебе Ольга про сеструху не рассказывала?

– Так, что-то в общих чертах, а что?

– Просто интересно, что ты думаешь и вообще, – запинаясь и не зная как продолжить, забуксовал Сема.

– Посмотрим, а вообще-то меня лично пока все устраивает. Ты мне лучше скажи, ты домой поедешь?

– Конечно, у нас все деньги закончились, да и продукты на нуле.

– Зайди к моей красатульке, поцелуй за меня и скажи, что у меня все в порядке. А маме своей передай от меня самые душевные пожелания.

Семен кивнул.

– Воскресенье как обычно?

Клим загадочно улыбнулся.

Вернувшись в общагу, они слегка перекусили, и Клим поехал провожать друга на Варшавский вокзал.

– Ладно, братуха, до поезда ждать не буду, метро закроют. Жду тебя в воскресенье и главное водки не забудь, – обнимая друга, напутствовал он, – целоваться не будем, а то расплачусь. Клим подмигнул и шутливо улыбнулся.

Добравшись до метро Купчино, Клим купил себе бутылочку пивка, сигарет, пакетик фисташек и неспешно побрел до общаги. Иногда он очень любил одиночество и считал, что в определенные моменты оно просто необходимо. Несмотря на вечер, город жил своей обычной жизнью, люди спешили по делам, проносились машины, круглосуточные ларьки и магазины зывали покупателей красочной рекламой.

Климу вдруг вспомнилось, как он маленький с ранцем за спиной шел в школу мимо автобусной остановки. Здесь всегда было много народу, спешившего на работу. Всматриваясь в их лица, он не видел ни одного счастливого и улыбочивого лица. Хмурые, грустные, невыспавшиеся, злые, понурые, съезжившиеся с холодным взглядом, общавшиеся между собой сухими короткими фразами. Все это пугало Клим, а он пытался понять своим детским сознанием, почему им так плохо. Лично он хотел как можно быстрее стать взрослым, думая, что работать легче, чем учиться. Однако вступив на порог школы, все его размышления улетучились.

Клим улыбнулся про себя, вспоминая все это. Открыв комнату и бросив ключи на стол, он присел на койку. В комнате было непривычно тихо и спокойно. Посмотрев на одинокую койку соседа, Клим подумал: «Надо бы кого-то притащить и трахнуть». Часы показывали половину двенадцатого вечера. Выйдя в коридор, он встретил Игорьку с какой-то девчонкой, которая еле стояла на ногах и что-то бубнила, повиснув на руке кавалера. Клим понимающе кивнул и подмигнул Игорьку, продолжив обход общаги.

Несмотря на отсутствие большей части обывателей, общага гудела и жила. На лестнице он встретил Маринку, которая пару раз заходила к Климу, да и то с какими-то разборками. После ссоры с очередной новой студенткой она врывалась в комнату как ураган, сметая все на своем пути. Создавалось впечатление, будто здесь работает рота омона.

Марина была рослой девицей, очень недурна собой, скорее милая, нежели смазливая. Эта курносая брюнетка с хищными глазами и языком змеи обладала необыкновенной способностью осадить любого. С точки зрения Клим для девушки она имела слишком широкую кость и тяжелую руку. Однако все это компенсировалось широкими бедрами и большой попой, за которую постоянно хотелось подержаться.

Марина приехала в Питер из тверской глубинки, поступив в железнодорожное училище. Однако училась она неохотно, поскольку у нее была единственная цель – выйти замуж за богатого петербуржца. Она была так одержима этой идеей, что не брезговала никакими методами для достижения заветной цели. Впрочем, за год пребывания в Питере не раз обломалась, но не думала отступать.

Будучи в прошлом мастером спорта по дзюдо, Маринка в душе оставалась пацанкой, постоянно дралась с девчонками, за что по малолетству провела на женской зоне целый год.

Ни одна девчонка не смогла ужиться с Мариной в общаге, поэтому она наслаждалась своим одиночеством в комнате. Девчонки побаивались безбашенную Мирилку, как ее называли за глаза, старались не высовываться, заискивали, уважали и, конечно же, ненавидели.

– Привет, красивая, – обрадовался удачной встрече Клим.

– Привет, – остановилась она.

Хорошо, что он стоял на ступеньку выше, иначе она была бы на полголовы выше Клим.

– Куда же держит свой нелегкий путь столь прекрасное создание? Неужели опять хочет бросить вызов очередной сопернице?

Марина увидела, как загорелись глаза Клим. Так светились глаза хищника, обнаружившего долгожданную добычу. Его взгляд уже раздел и ласкал ее. Она улыбнулась, ибо этот взгляд ее реально заводил.

– Прекрасное создание легко бежит к подруге выяснить один запутанный вопрос, – игриво ответила она. Климом овладела мощная волна желания, которое в данный момент преобладала над всем.

– Маришь, ну их эти запутанные скорбные дела, пойдем лучше осветим головы мудрым напитком света!

– Это приглашение?

– Йес оф коз, май баронесса, – делая жест приглашения рукой, поклонился он.

– Ой, я не могу..., – захихикала она..., – ну пойдем, коли не шутишь. Пропустив Маринку вперед, Клим последовал за ней, впившись взглядом в ее провокационно покачивающиеся ягодички.

– Располагайся, я быстро удалюсь, и так же быстро появлюсь, – сказал он, включая магнитофон, который откуда-то притащил Мавлян. Его не было минут двадцать и она уже хотела уйти, как вдруг на пороге появились Клим и Мавлян с тремя бутылками амаретто и шоколадом. Распив одну бутылку, Мавлян удалился под знакомый напев из магнитофона: «Я убью тебя лодочник, я убью тебя лодочник». Раскрывая вторую бутылку, захмелевший Клим сказал: «Душевный ты человек оказывается Маринка, и в доску своя! Молодец! С тобой не надо напрягаться и это супер!». Тронутый ее рассказом, он уже наливал по второй.

Осушив стопку, он прильнул к Маринкиным губам, отразив в долгом поцелуе всю силу своего желания. Немного побыв с ней, Клим понял, что медленные ласки с ней несовместимы. Он разорвал на ней футболку, стянул спортивки и бросил на кровать. Маринка растянулась на койке и вызывающе раздвинула ноги, демонстрируя свои прелести. Этим она пробудила в нем самый настоящий животный инстинкт. Глаза затуманились, и она, задыхаясь, прошептала: «Трахни меня, как последнюю сучку!»

Клим вошел в нее жестко, силой сжимая ее бедра, а она изгибалась в такт погружения. Все, что ему хотелось в этот момент, так это пронзить ее насквозь, разорвать на части, рычать и трахать, трахать, трахать!

После весь мокрый от пота, он рухнул тяжело дыша: « Ты в натуре сучка, ух», – его грудная клетка была готова разорваться от глубоких вдохов.

Маринка загадочно улыбнулась, поцеловав Клим в щечку.

–Давай еще выпьем!

– Подожди, давай хоть в себя придем.

Она встала, накинула фланелевую рубашу Клим и в таком виде пошла разливать.

Рубаша едва прикрывала попку: «Ух, стерва», – наблюдая за ней, подумал Клим, чувствуя как кровь вновь начинает кипеть в его жилах .

За эту ночь они перепробовали все, что могли и умели, получая наслаждение так, словно этого больше никогда не будет. Под утро она удалась к себе. Клим чувствовал себя как выжатый лимон.

«Демон, а не баба, жаль, что нам никогда не быть вместе», – рассуждал он, проваливаясь в глубокий сон. Те же мысли посетили и Маринку, упавшую после столь бурной проведенной ночи: «Спать, спать, спать!»

Утром его разбудил настойчивый стук в дверь. Нехотя Клим поднялся и пошел открывать. В комнату шумно ввалились Игорек, Санек и Серега со спортивной сумкой полной пива.

– Парняги, а не рановато начинать гудеж, ведь сегодня воскресенье, вечером и так будет грандиозная пьянка, – недовольно сказал Клим, зевая.

– Ха-ре спать, мы чисто по чуть-чуть, отметить событие, а все остальное уберешь как всегда к себе в шкаф на вечер..., – Игорь задумался, – и на утро! – добавил он.

– Че за событие? – прогоняя остатки сна и натягивая спортивки спросил Клим.

– Санек работу нашел крутую, завтра приступает!

– Здорово! Быстро однако! Что за работа? Где? Кем? – искренне интересовался он.

Санька вальяжно развалился на койке Семы и важно произнес: «Охранник-водитель. Ездить буду правда на восьмерке, ну да ладно, сойдет».

Клим присвистнул: «Молодца! Шустро».

Воодушевленный Санек продолжил: «Одна только несостыковка, работать нужно будет в ночь, полторы штуки за смену, зарплата сразу после смены, а развозить я буду шлюх. Как все это связать с учебой я пока тоже не знаю. Ладно, посмотрим!»

Игорь открыл всем по-пиву. Клим отхлебнул, пиво было холодным и вкусным.

– Саня, сейчас обустроишься и за меня похлопчи, ладно? – напутствовал на будущее Игорек. Саня кивнул и посмотрел на молчавшего Клима.

– Клим, что-то не так?

– Да не, все нормально, я просто задумался.

– О чем?

– Все бы ничего, я искренне рад за тебя. Но поверь, дружище, работенка у тебя будет очень небезопасная. Да если честно, все это как-то не по-пацански.

– В смысле? – напрягся, недоумевая Шурик. Клим внимательно посмотрел на Саню и понял, что тот вряд ли его поймет.

– Да не бери в голову, лучше в плечи, шире будешь, – засмеялся Клим, хлопая его по плечу, – чувствуешь что справишься, дерзай! И если чего – шуми, всегда помогу, – Клим протянул руку.

– Ладно, пацаны, я помчал, мне еще к шефу, вечером наверное уже буду отсутствовать.

Вслед Саньку посыпалось множество комментариев по поводу его отсутствия. Открыли еще по бутылочке и вновь стали обсуждать работу Санька.

– Все хлопцы, я в душ! Игорек, ты поедешь со мной вечером на вокзал Семена встречать? Кстати, кого ты тащил к себе вчера ночью?

Игорь улыбнулся: «Сам не знаю, я ее на четвертом этаже обнаружил пьянющую в драбадан, ну и отволок к себе».

– Как ты ее трахал то, она же была как мертвец?

Игорь задумался.

– Да нет, она орала как кошка, – начал врать он, придавая своему лицу серьезный вид.

– Ну, ну..

– Вот вы, девок ****е как мартовские коты, а чтобы хоть раз другу помочь, а то я точно скоро в евнуха превращусь, – внезапно выпалил Серега, молчавший до сего момента. В его голосе было столько безнадеги, что Клим с Игорем слегка оторопели.

– Так что же ты молчал, болван, – укорили его ребята.

Клим осмотрел с ног до головы невзрачного Серегу, в натуре ботаник, маленький, худой, горбатый.

– Придумаем, не гони!

Возвращаясь из душа, Клим зашел к Маринке, которая еще спала крепким сном.

– Не разбудил? – спросил он, улыбаясь заспанную девушку.

– Приветик, что случилось? – промурлыкала она.

– Ничего, просто мне нужно знать, кто здесь у вас из баб умеет нормально стричь?

– Галка Васильева, живет на шестом этаже, спроси, тебе там покажут.

Клим чмокнул ее в носик и удалился.

Еще через час Галка под четким руководством Клима окультуривала голову Сереги. Как ни странно, но ее умелые руки и стиль преобразили ботаника.

– Ну вот, совсем другое дело! Галка, да ты волшебница, с меня коробка конфет. Ай да Галка, ай да мастерица! – восхищался Клим, рассматривая перерождение Серого.

Клим взял стул и сел напротив.

– Встань, пожалуйста. Не сутулься, с твоим ростом это непозволительно.

Сереге встал. Клим посмотрел на его серый выдавший виды свитер а-ля 70-х, торчащий воротник ядовито синей рубашки и темно-коричневые брюки, никогда не знавшие, что такое стрелки.

– Снимай всю одежду, я сейчас!

Клим рылся у себя в шкафу, доставая джинсовую бейсболку, солнцезащитные очки, которые закрепил поверх бейсболки, а также спортивные брюки и джемпер «Пума».

Придя к соседу, он все это бросил на стул.

– Одевайся! А, забыл. Еще одна деталька! Он принес «Адидас».

Сереге оделся и преобразился до неузнаваемости.

– Эврика! Другой колленкор! Вот таких костюмов тебе нужно иметь пары две, столько же брюк и пиджаков и главное, с завтрашнего дня начинай посещать качалку, комплекс упражнений тебе составит Мавлян.

– Ух здорово, Клим, спасибо тебе! – глаза Сереги излучали такой свет благодарности, что не нужно было никаких слов, – где бы еще денег взять на все это?

– Устройся на работу, и потихоньку копи, подкупай постепенно.

– Где же такую найти, мы ведь на учебе?

– Вечером, было бы желание. Посмотри полгорода бегают, продают то рубашки, то канцтовары, кто косметику, кто газеты по электричкам. Каждый крутится как может, главное не сидеть сложа руки. Одни мечтают, другие делают. Так вот стань тем, кто делает, а не сидит и строит воздушные замки и тогда все наладится.

– Умеешь Клим ты вдохновить человека, мне уже не терпится за все взяться сразу, – сказал возбужденный переменами сосед.

– Нет, все сразу не бывает! У тебя давно был секс?

Сереге опустил голову, пряча глаза, и пожал плечами.

– Не уходи никуда, я сейчас.

Мавлян радостно приветствовал Клима, он всегда был рад его видеть.

– Может сообразить по сто пятьдесят?

– Не, у нас и так сегодня попойка, ты же знаешь.

– Я че пришел, помнишь, ты мне как-то рассказывал про сосущую голову из ваших детдомовцев. Элла или Эмма, вроде как-то так?

Мавлян недоуменно взирал на друга: «Зачем это тебе?»

– Да ни мне, потом расскажу. Ее надо уламывать?

Мавлян покачал головой.

– Посиди, вон чай, хочешь завари как его, а – чифира, – заулыбался Мавлян.

– Иди-чиф.

Вскоре Мавлян вернулся с девчонкой очень маленького роста, глядя на которую сразу было трудно определить парень это или девка.

– Знакомься, Эллочка! Элла, это Клим, мой братик, за которого я любому голову снесу. Элла надула шар от жвачки и внимательно посмотрела на Клима. Шар лопнул.

– Элла, Климу надо то, что ты мне часто делаешь.

– Ни мне, а моему приятелю, – поправил он его.

– Сперва ему, – Элла ткнула пальцем в Клима и улыбнулась. – Нельзя дам обижать, надо уважать.

– Посмотрим, все братуха, вечером жду тебя у себя, – уходя подмигнул он.

– Вот, Серега, – это Эллочка-припевочка, восстановит все твои жизненноважные органы.

– Сперва твои, – я же сказала, – обидчиво произнесла Эллочка. Клим показал Сереге глазами, чтобы тот удалился.

– Слушай, я если честно не очень хочу, – в этот момент рука девушки уже была в его трусах, крепко сжимая набухшее достоинство.

– Да, девочка совсем без комплексов, – подумал он. Еще через секунду голова девочки уже ритмично двигалась взад и вперед возле его паха. Про себя он отметил, что она реально получает от этого удовольствие.

Серега трепал Эллу часа два, а после весь мокрый и запыхавшийся завалился к Климу, рассыпаясь в благодарностях. Клим тотчас же отправил его в душ.

На часах было пол шестого вечера, Клим зашел к Игоряну, который жарил целую сковородку спагетти с тушенкой.

– Как я, вовремя?

– Садись, бери ложку.

Клим с аппетитом поглощал еду, неожиданно обнаружив, что чертовски голоден. После сытной трапезы они поехали на Варшавский вокзал встречать Семена.

Воскресенье – особый день студента, когда все возвращаются в общагу с целыми сумками, продуктов, шмоток и, конечно же, баблом. Игорь первый заприметил тяжело идущего по перрону Семена, тащившего большую спортивную сумку. Из репродукторов слышался женский голос: «Поезд Гдов- Санкт-Петербург прибыл на вторую платформу».

Друзья обнялись.

– Ну как там моя бабулька?

– Жива, здорова, привет тебе передает и денежку, – Семен протянул Климу две пятисотки.

– Я же просил.

– Клим, она мне их навязала и не выпускала без них из квартиры.

Клим молча смял деньги и убрал их в карман. «Не надо было его ко мне посылать», – подумал он. Друзья уже подходили к метро Балтийская, хотя проще было пойти к Фрунзенской, тогда не надо было делать пересадку.

В общаге уже стало традицией собираться у Клима по воскресеньям. Все несли ему выпивку и домашнюю закуску. Все столы из комнат выносились в коридор, которые после сервировки превращались в один длинный стол. Постепенно подтягивались студенты. Стол ломился от яств и выпивки, примерно в девять вечера начиналось застолье. Клим как заведенный травил смешные истории, подкалывал студентов и поднимал тосты, от которых все студенты смеялись до колик в животе. После начинались душевные беседы, признания и откровения алкогольного порыва.

В этот раз народу собралось так много, что яблоку было негде упасть. Среди массы гостей он заметил Олю с какой-то очень милой девушкой, которую раньше не видел. Остановив свой взгляд на ней, Клим поймал себя на мысли, что любит ее.

– Сема, а кто это с Олей, вон та блондинка?

– Наташка, сестра Оли, о которой я уже тебе говорил.

– Ааа!!

Налив себе очередной стопарик, Клим направился к блондиночке.

– Привет, девчонки!

– Наконец-то, забрался в самый конец, да так, что к тебе не подобраться. Знакомься, это Наталья, моя сестра, прошу любить и жаловать, – орала Ольга, стараясь перекричать магнитофон.

– Клим, – протягивая руку, как-то скромно произнес он.

– Наташа! – вложив свою в его, сказала она. Вблизи девушка была еще прекраснее, на ней совсем не было косметики. Просто одетая, с большими зелеными глазами, густыми ресницами, полноватыми чувственными губами, завораживающей улыбкой и дополнявших эту красоту ямочках на щечках, а также слегка вздернутый носик создавали неповторимый образ. Она была вся такая миниатюрная и хрупкая, что Климу показалось, будто он превратился в одно большое сердце, излучающее Свет Любви!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.